

Д.ф.-м.н., профессор
С.С. Кутателадзе

Пространство и время для героев (Институт математики им. С.П. Соболева)

С.С. Кутателадзе

Раньше мы жили в Ленинграде. Однажды отец позвонил домой из Москвы и спросил меня: «Поедешь со мной в Новосибирск?» Я ответил: «Поеду». «Значит, поедем вместе. Только маме пока не говори». Был он немножко пьяненький. Звонил, кажется, с дачи Ландау. Там встретился с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. Посидели они, поговорили, и Михаил Алексеевич уговорил моего отца ехать в Новосибирск и создавать вместе с ним Сибирское отделение Академии наук. Папа был известным ученым, но в Котлотурбинном институте, где он работал, его «зажимали». Многие это знали, дошло и до Лаврентьева. А тот звал с собой в Сибирь как раз таких ученых, которых притесняли в Москве и в Ленинграде. И отцу предложение Лаврентьева помогло найти выход – покончить со старыми конфликтами и реализовать новые идеи. Мама с сестрой не захотели уезжать из Ленинграда. А я уже привык ездить с отцом – он часто возил меня на научные конференции. Поэтому ничуть не удивился, когда он позвал меня в Сибирь. Случилось это в 1959 году; мне было тогда четырнадцать лет.

Отца сразу зачислили в штат Сибирского отделения, но он еще некоторое время находился в Ленинграде. Насколько мне известно, в Москве и в Ленинграде велось проектирование институтов Сибирского отделения, там же подбирали сотрудников. Отец фактически проектировал Институт теплофизики. Поэтому он и считается основателем, институт носит его имя, хотя первым директором был Новиков. Так вот непросто все устраивалось и переплеталось.

Когда я приехал вслед за папой в Академгородок, мне уже было около семнадцати лет, я заканчивал школу. Помню, что первое время в строящемся городке даже поесть было негде, и мы ез-

дили обедать в городской аэропорт. Езды туда на машине – минут сорок. В ресторанчике аэропорта варили отличную уху из стерляди. Потом открылась маленькая столовая в Институте ядерной физики.

А там, где появились первые академические коттеджи, устраивались мини-базарчики, развалы, где можно было купить маечки и прочие нужные вещи.

Кино крутили в конференц-зале Института геологии. Вечерами весь Академгородок наряжался и ходил туда через лесочек. Такой памятный маршрут... Неудивительно, что старожилы Академгородка болезненно отреагировали на перемены в этом местечке, на появление здесь новостройки, которую, по слухам, отчасти оплачивают «денежные мешки», не имеющие отношения к науке.

Атмосфера в первые годы была замечательная. Всеобщий энтузиазм стал нормой жизни. Казалось, тут сформировалась новая общность людей.

Запомнился такой эпизод. Когда в Академгородке еще не было телефонов-автоматов, напротив того места, где теперь Дом ученых, возле построенных уже жилых зданий, прямо на улице стоял обычный телефонный аппарат. Стоял на подставке в будочке-скворечнике. И никому не приходило в голову сломать его или утащить.

Многие не запирали двери квартир. Никогда, ни днем, ни ночью. Навсегда сохранил эту привычку Глеб Павлович Акилов, который был моим учителем и соавтором (сперва я слушал его лекции, потом мы вместе написали книгу). Он не запирал двери своей квартиры даже на ночь до самой смерти, хотя жизнь вокруг очень изменилась. Но человек не менялся, так уж он был уст-

роен.

С каким настроением работали ученые и как они «выкладывались», я видел даже у себя дома. К отцу часто приходил молодой сотрудник Александр Иванович Леонтьев, ближайший соратник отца, впоследствии ставший академиком. Они вместе разрабатывали новую теорию – турбулентного приграничного слоя с исчезающей вязкостью. Это последняя из по-настоящему крупных идей, разрабатывавшихся с участием отца, и одна из важнейших в Институте теплофизики. Я видел, как отец с Леонтьевым подолгу спорили, кричали. Часами играли в нарды. И так – каждый вечер: работа, общение, игра – неразрывное целое. Глаза горят, и видно, что такая жизнь доставляет наслаждение.

Меня поражало, как много в Академгородке ярких людей, которых интересно слушать и у которых можно многому научиться по жизни. По соседству с нами жил Рудольф Иосифович Салганик. Тогда он еще не стал академиком, но уже считался известным генетиком и замечательным лектором. Никогда не забуду, как он рассказывал в одной аудитории про опаринскую теорию зарождения жизни и сформулировал ее суть так: «Мать рождает мать и дальше эволюционирует». Тут, конечно же, имелся в виду и контекст, отчасти и сам Опарин. Салганик сделал паузу, как бы и сам прислушался к тому, что сказал, и расплылся в улыбке: понравилось.

Помню, как к нам в гости зашел Алексей Павлович Окладников. Разговор зашел об истории языка, о происхождении матерщины и тому подобном. Окладников рассказал о самобытном исследователе из Иркутска, который давно начал составлять словарь «непечатных выражений», но его «зажимают», не признают, никуда не пропускают этот труд. Заодно Окладников просветил папу, объяснил значение и происхождение некоторых бранных слов. Много можно вспомнить таких эпизодов свободного, демократичного общения. Общались все запросто, без высокомерия и подобирастия. И мне казалось, что только такими должны быть отношения людей, связанных единым делом.

Я никогда не считал себя жителем Новосибирска. Говорил: живу в Академгородке. Многие из Академгородка часто летали в Москву, иногда по два раза в неделю. Авиаперелет за тысячи километров казался почти таким же простым делом,

как поездка в городском автобусе. Садись на любой ближайший рейс, пересаживались на другой, останавливались на ночевку в Челябинском или Свердловском аэропорту. В пути обязательно встречали знакомых, переживали интересные приключения. И билет до Москвы и обратно стоил дешево – не больше двадцати рублей, а студентам – скидка (когда я учился в НГУ, мне приходилось летать к жене-москвичке, а ей – ко мне).

В нашей жизни было много новостей: строились дома, институты, появлялись новые молодые сотрудники... Все, с кем мы общались в Москве, в Ленинграде и в других крупных городах, интересовались Академгородком. Мы ощущали свою особенность. Можно даже сказать, чувствовали себя самыми главными в стране, в центре большого дела такого же масштаба, как всеобщие стройки или космическая программа. Академгородок строился одновременно с полетами первых советских космонавтов.

Думаю, Академгородок быстро стал интеллектуальным центром потому, что основное, первоначальное его население составляли москвичи и ленинградцы, выпускники лучших вузов. Все первые лидеры были в том возрасте, когда еще можно успеть сделать какое-то большое дело. Благоприятствовала и удаленность от столичных интриг и дрызг.

Правда, и сам Академгородок не обошелся без конфликтов, без трений между теми же москвичами и ленинградцами, которые были по-разному устроены. Ленинградская интеллигенция казалась более сдержанной, критичнее мыслила и старалась держаться подальше от власти. Москвичи ближе к власти, не столь щепетильны, легко позволяли себе такие грешки, какие не терпели ленинградцы. Думаю, «спецпайки» в Академгородке завели москвичи. И в чрезмерном влиянии жен на некоторые решения и отношения лидеров тоже сказались отголоски московской «придворной» жизни.

Из-за того, что не поладили жены академиков (кто-то кого-то не так принял, кто-то на кого-то не так посмотрел), Академгородок потерял уникальный медицинский центр. Старожилам известно, что здание, в котором разместился Вычислительный центр, строили для Мешалкина и других медицинских светил. Там собирались оборудовать великолепную клинику с бассейном и с особой антиинфекционной системой, с хитрыми

коридорами-лабиринтами, чтобы не пересекались воздушные потоки. Собирались лечить тут ученых новейшими, эффективными способами. Но после грандиозного скандала с участием первых персон Сибирского отделения и их жен от замечательного проекта отказались. Мне кажется, Академгородок от этого сильно пострадал. Медицинское обслуживание здесь более или менее нормализовалось только после создания Сибирского отделения Академии медицинских наук.

Весь Академгородок знал об испортившихся отношениях основателей, которые тут все определяли, – академиком М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича и С.Л. Соболева. Во время строительства, осуществления замыслов их дружба быстро кончилась. С.Л. Соболев оставался дружен с М.А. Лаврентьевым дольше, чем С.А. Христианович, но и между ними охлаждение было заметно. М.А. Лаврентьев, по сути, был московским человеком, а С.Л. Соболев – ленинградским. Имелись и другие причины для конфликтов. Михаил Алексеевич Лаврентьев был старше всех в Академгородке, он сделал много полезного для отечественной науки. Но за рубежом, где-нибудь в Новой Зеландии, его имя могли и не знать, а вот имя Сергея Львовича Соболева знали наверняка. Да и я перед приездом в Академгородок не знал, кто такие Лаврентьев и Христианович, но хорошо знал, кто такой Соболев. Он обессмертил свое имя в двадцатипятилетнем возрасте, открыв метод универсального решения сложных уравнений с частными производными и с постоянными коэффициентами. Тут и везение, и момент гениальности, и еще неизвестно что (говорят же, будто гений просто отбирает, записывает часть из того, что проносится перед его «внутренним взором»). Сам Сергей Львович Соболев называл себя «баловнем судьбы». В 29 лет он уже был академиком. В Академгородок приехал мировой знаменитостью и Героем Социалистического Труда, живым символом гения науки. И хотя он никогда не принимал таких сложных решений, какие выпали на долю М.А. Лаврентьева во время строительства Академгородка, но как ученый знал себе цену. И некоторые взгляды Соболева не совпадали со взглядами Лаврентьева. Их разногласия я ощутил, можно сказать, на своей шкуре, когда в Институте математики «провалили» мою докторскую диссертацию не по научным соображениям. А моя фамилия стояла в списке луч-

ших выпускников мехмата НГУ, за нашими судьбами следил глава Сибирского отделения. М.А. Лаврентьев позвонил С.Л. Соболеву (Соболев тогда работал в Институте математики, но на защите моей диссертации не присутствовал из-за командировки). Академики крепко поругались; Лаврентьев сказал Соболеву, что в его институте творится безобразие. После этого Соболев несколько охладил ко мне, хотя вначале выражал мне твердое сочувствие. В общем, угодило зернышко... Но я не усмотрел в этих перипетиях ничего ужасного и драматического. Мне было тогда под тридцать. Я не стал возмущаться и жаловаться, а вскоре написал и защитил новую диссертацию.

Трезво оценивать жизненные ситуации и находить разумный, достойный выход из всех затруднений меня научили друзья, которых я нашел в Академгородке. Все это были люди мудрые и битые жизнью, значительно старше меня. Может, так получилось потому, что я с детства вместе с отцом чаще бывал во взрослых компаниях, чем с ровесниками.

Я горжусь дружбой с академиком Александром Даниловичем Александровым. Когда-то он меня недолюбливал, даже выступал против моей кандидатской диссертации, но потом пересмотрел свое мнение, и в последние годы его жизни у нас сложились доверительные отношения. Одним словом характер Александрова не определишь. Выдающийся ученый, обладал абсолютной памятью. Талант его был многогранен: сочинил множество стихов и пьес, но почти все это пропало, потому что он ничего не записывал. Про него рассказывали легенды и анекдоты, его имя окружено и большим количеством вранья. Он был убежденным коммунистом, но никогда не был сталинистом и сторонником Лысенко, что ему приписывали. И не громил научные школы ради собственной карьеры. Все эти скандальные обвинения были опровергнуты.

А вот что доподлинно известно всем математикам: А.Д. Александров вместе с М.А. Лаврентьевым и А.Н. Колмогоровым спасли советскую математику от такого же погрома, какой учинили лысенковцы в биологии и генетике. Убедили всех тогдашних академиков-математиков выпустить книгу о своей науке. Их книга («Математика, ее содержание, методы и значение») многожды издавалась в США. А в нашей стране этот

толстенный том выпускался только под контролем ЦК КПСС, с пометкой «Для служебного пользования», каждый экземпляр был пронумерован. В книге собраны статьи всех ведущих отечественных математиков – Л.В. Канторовича, А.Д. Александрова, С.Л. Соболева и других. Математики как бы отвечали на вопросы, какие могли им задать философы и другие «эксперты со стороны». Писали о взаимоотношениях своей абстрактной науки с гуманитарными и естественными, о связях теоретической и прикладной математики. Своего рода тактика упреждающих ударов. Лидеры отечественной математики решили сами сформулировать материалистический взгляд на свою науку, не дожидаясь, когда демагоги и дилетанты полезут выяснять, кто из математиков идеалист, а кто истинный материалист. Математиков пришибить идеологическими обвинениями легче, чем физиков, которые могли прикрыться таким непрошибаемым аргументом, как атомная бомба. Однако «тактика упреждающих ударов» сделала свое дело. И неслучайно М.А. Лаврентьев потом пригласил бывшего ректора ЛГУ А.Д. Александрова в Академгородок: они объединились, стали союзниками на издании книги, защитившей математику. Академик Александров много лет прожил в Академгородке, был тут одной из самых ярких фигур и, по-моему, прекрасно себя здесь чувствовал.

Своим учителем в науке считаю Леонида Витальевича Канторовича. Он был вундеркиндом – в четырнадцать лет поступил в университет, в восемнадцать стал профессором. Как и С.Л. Соболев, рано, в 27 лет сделал свои выдающиеся математические работы, за которые потом получил Нобелевскую премию. Уже после его смерти мне показали старые фотографии и портрет кисти Петрова-Водкина, где Леонид Витальевич Канторович изображен в молодые годы: во взгляде – отрешенность гения... Я не видел его таким. Не видел и Сергея Львовича Соболева, и Александра Даниловича Александрова в моменты их гениальности. Мне приходилось общаться с ними в будничной, обыденной обстановке. Но я всегда помнил, кто они такие. Гений остается гением и в домашних тапочках. Я осознавал, что и Лаврентьев с Христиановичем, и другие лидеры Академгородка были поистине великими людьми. А к их ошибкам и конфликтам относился примерно так же, как к ссорам родителей, – никого

не осуждал. Понимал, что жить рядом с выдающимися людьми непросто, и все-таки это счастье.

Мне повезло на учителей и на друзей, повезло на работу. Я хотел стать математиком и стал им. У меня не было столь выдающихся идей и гениальных откровений, как у Соболева и Канторовича, но и в моей жизни случались мгновения, когда кажется: для тебя нет ничего недоступного. Наверное, это и есть моменты гениальных озарений – такие бывают у многих людей, только у великих, видимо, длятся дольше, и след глубже. Но я удовлетворен своим вкладом в науку. Работаю в «Сибирском математическом журнале» и в Институте математики, заведу там отделом функционального анализа, которым раньше руководил С.Л. Соболев. Делаю то, что считаю своим долгом, и получаю от этого удовольствие. Сам занимаюсь математикой и пишу про математику (это можно назвать научным писательством). Издаю труды выдающихся людей, которых знал, и рассказываю о них, пытаюсь синтезировать их идеи. У меня есть работы по синтезу исследований Канторовича и Александрова. Математические модели, которые Канторович применял в экономике, я применил в геометрии и с их помощью решил некоторые задачи, не поддававшиеся геометрическим методам Александрова. В функциональном анализе использую методы нестандартного анализа и математической логики.

Где-то я прочел и с тех пор часто повторяю: ученый должен не только добывать новые знания, но и делать для следующих поколений то, что сделали для него предыдущие. Я и пытаюсь это делать, синтезируя разнообразные идеи выдающихся старших товарищей. Мое писательство – не популяризаторство, я пишу свои книги не для всех, а для математиков-профессионалов. Заполняю разрыв между феноменальной, авангардной наукой и той, которая в вузовских учебниках. Пытаюсь сократить дистанцию между передовым фронтом познания и студентами.

Думаю, неслучайно многие выдающиеся ученые писали учебники. И мой отец написал учебник в то время, когда еще не был доктором наук. Л.В. Канторович с Г.П. Акиловым и С.Л. Соболев тоже стали авторами классических учебников, по которым учились во многих странах. Я видел, как Александр Данилович Александров писал учебники геометрии для школьников. Жаль только, что многие академики брались за

такие труды поздновато – после семидесяти, когда из колоссального личностного потенциала что-то важное уже ушло, утрачено.

Приходится слышать такое мнение: нынешние студенты должны учиться по тем же учебникам, по которым учились Канторович, Александров и все наше поколение. Но я считаю, что в преподавании, как и в науке, необходима эстафета обновления. Для каждого поколения нужны новые учебники, отражающие современную динамику науки. Я изучал функциональный анализ по блестящему учебнику Л.В. Канторовича и Г.П. Акилова, а потом сам написал новый, начал читать в университете свои лекции по функциональному анализу. И мой старший товарищ Глеб Павлович Акилов на меня не рассердился – видел во мне не конкурента, а преемника. А меня огорчает сейчас то, что я читаю лекции по своему учебнику слишком долго, уже двадцать лет. Я ведь знаю, что моя наука за это время ушла далеко вперед и что нужны новые учебники, которые лучше бы писать ученым помоложе.

В последние годы эстафета обновления в преподавании затормозилась. Ведь чтобы писать книги, нужно быть материально обеспеченным. В Советском Союзе профессор, доктор наук получал зарплату министра, а зарплата академиков была больше, чем у членов Политбюро. Плохо это или хорошо, но ученые находились на вершине общества. Наука была престижным делом; сюда устремлялись самые талантливые и предприимчивые люди, потому что именно здесь они могли быстро добиться материальной независимости. А сейчас далеко не каждый профессор получает двести долларов в месяц (кажется, американскому безработному дают такое пособие на неделю). И спина у ученого уже не такая прямая, и нет прежней гордой уверенности в себе, и глаза не горят. Тут приходится думать не о капитальном, сосредоточенном труде над учебником, а об отъезде за рубеж или о поиске дополнительных заработков. Я начал зарабатывать на переводе математических трудов, но этих заработков не хватит на покупку новой квартиры, а жилье, построенное тридцать-сорок лет назад, приходит в негодность. Даже цветной телевизор и новый костюм теперь не по карману большинству профессоров и академиков. Раньше «мелочи быта» нас так не угнетали, не отвлекали от высоких научных материй.

Постаревший и обнищавший Академгородок все еще обладает большой притягательной силой, хотя самые светлые эпизоды ушли в прошлое. Невозможно вечно жить воспоминаниями. Все чувствуют необходимость обновления, но наиболее популярные и, на первый взгляд, привлекательные проекты превращения Академгородка в технополис или в университетский центр таят в себе большую опасность. Ведь такой путь предлагают и всей академической науке. Академия станет приложением к университетам; старые люди будут преподавать, а молодые – экспериментировать в лабораториях. Нетрудно предвидеть, чем все закончится: крупные академические НИИ закроются, «отомрут». Останутся, в лучшем случае, маленькие лаборатории в вузах да научно-технические фирмочки, выполняющие заказы «денежных мешков».

По сути, нам предлагают перестроить науку по американскому и западноевропейскому образцу. По-моему, это равнозначно предложению писать все наши статьи не на русском, а на английском языке. На первый взгляд, все логично: ведь мировая наука говорит по-английски. Но, по-видимому, люди мыслят на родном языке. И наши русские научные открытия осуществлялись на русском языке. А если все перевести на иностранный лад, то, может, русских открытий больше не будет...

Если академическая наука погибнет в нашей стране, то ее больше нигде и никогда не будет. Такой путь развития науки опробован, проторен только в Советском Союзе. Жизнь показала, что академическая наука нужна и очень эффективна. Неслучайно Академгородок производил такое большое впечатление. Неслучайно японцы строили свою Цукубу по его образцу и подобию. По-моему, строительство крупных научных институтов Академгородка сопоставляли со строительством самолета-истребителя МИГ. Совсем не большие затраты, а какой прорыв в интеллектуальной жизни страны, какие колоссальные изменения в огромном регионе, который считался раньше глубокой провинцией и куда прежде не заглядывали академики! При всем том, что лаврентьевская идея десантирования столичных научных школ в сибирскую «глубинку» не осуществилась во всей полноте, и дальнейшее осеменение провинциальной науки оказалось не столь эффективным, как ожидалось. Многие новые науч-

ные центры, созданные вслед за новосибирским Академгородком, попросту не имели достаточной «критической массы» ученых высокого уровня. Да и в новосибирском Академгородке стал ощущаться недостаток таких кадров, когда «сверху» стали искусственно притормаживать приток выпускников из московских и ленинградских вузов. Из-за этого и был провозглашен принцип опоры на собственные силы. И все же именно здесь, в сибирском Академгородке науке удалось продемонстрировать свою роль производительной силы, она стала катализатором общественных процессов.

Со временем все яснее виден масштаб ученых-лидеров, построивших для нас Академгородок. Я уверен: неслучайно эти великие люди были почти ровесниками, из одного поколения. Вглядитесь в судьбы, в биографии основателей Академгородка – и увидите: они дети революции 1917 года. Пора осознать, что мы потеряли во время последних перестроек и шоковых реформ – только слепой не видит шага назад в общественном развитии. Пожалуй, советское общество, ценившее науку, скорее можно назвать обществом знаний, чем США. В США на уровне элитной оплаты труда и элитных решений всегда оказывались юристы, управленцы и политики с гуманитарным образованием, а профессора считались отнюдь не первостепенными гражданами – к ним относились примерно так же, как к школьным учителям. Теперь и в России ведущие политики советуются не с академиками, а с олигархами. Уже никого не шокируют заявления, что науки в нашей стране слишком много и создание Сибирского отделения было исторической ошибкой.

Я считаю, что мы не должны допускать деградации Академгородка и ликвидации отечественной науки. В этом, если хотите, наш долг перед потомками. В крайнем случае стоит попытаться сохранить академическую науку хотя бы в значительно сокращенном виде, в зародыше, в спорах. Многие профессора и академики преподают в университете, но он никогда не был и вряд ли будет «руководящим ядром» Академгородка. Надеюсь, не станут управлять Академгородком ни церковь, ни базар, хотя я ничего не имею против присутствия рынка и религии в жизни людей, общества. Но я благодарен бывшему руководителю Сибирского отделения академику В.А. Коптюгу за то, что он не допустил торгашей и

менял в Дом ученых и что церковь построена не в центре Академгородка, а на окраине. Религия и наука – вечные враги, тут не может быть никакого союза.

Воззрения академика Коптюга на развитие цивилизации я не разделяю. Остаюсь на позициях исторического материализма. Уверен: не будет никакого устойчивого развития, пока не обеспечена более высокая производительность труда, пока не разрешено противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения результатов. При капитализме это противоречие чрезвычайно обострено. При социализме его смягчили, но совсем ликвидировать не удалось. Впрочем, наше прошлое общество вряд ли можно считать социалистическим в полном смысле этого слова: оно то приближалось к социализму, то удалялось от него. По-моему, многих устраивали моральная обстановка и уровень жизни в начале 70-х годов. Хотя, как мне кажется, в то время уже происходил развал принципов социализма.

Раньше нас в вузах учили, что вся жизнь общества определяется экономической базой, экономическими причинами. Но экономические причины смены общественных формаций в нашей стране до сих пор не исследуются, серьезных идей по этому поводу немного, и широкой публике они неизвестны. На мой взгляд, основы социализма были сломаны общественными фондами потребления, созданными при Н.С. Хрущеве в 1961 году. Таким образом начали готовиться к коммунизму, который, как провозгласили на одном из партсъездов, наступит в 1980 году. От распределения по труду переходили к распределению по потребностям. Это отвечало общим склонностям: кто же не хочет получать по потребностям? Тем самым прервалась зависимость потребления от результатов труда, запущен механизм разрушения социалистической экономики. Так были подорваны экономические возможности социализма, которые ярко выявились после снятия военного пресса, в годы послевоенного восстановления страны. Многие уже начинают забывать, что СССР не только первым запустил искусственные спутники и первым отправил человека в Космос, но и достиг паритета с США в важнейших сферах жизни общества, занял второе место в мире по объему потребления на душу населения! А общественные фонды потребления фактически пре-

вратились в “коммунистическую” систему распределения, хотя достаточной экономической базы для этого не было. Закономерно возникли разнообразные нарушения, перекосы: в конце 80-х средняя заработная плата в стране была 129 рублей, а из фондов общественного потребления на каждого человека уходило 280 рублей. Две трети национального продукта распределяли по потребностям! Вряд ли люди скажут, будто все тут было плохо, – нет ничего дурного в том, что часть денег из фондов общественного потребления уходила на обеспечение всеобщего бесплатного образования и бесплатного медицинского обслуживания. Но на эти же средства строили обкомовские дворцы и дачки, распределители со спецпайками. Проще стало не работать в поте лица, а занять хорошее место в профкоме и выпросить квартиру, путевку в санаторий, матпомощь. Все это не могло хорошо закончиться.

У всех нормальных людей во всех странах одно представление о светлом будущем. Все мечтают об обществе всеобщего благоденствия, где жизнь – в радость и люди не зависят от тягот мира – от болезней, чрезмерного труда. Неважно, как назовут такое общество. Но бесспорно, что оно возможно при мощной экономической базе. А если мы сами в десять раз уменьшили свой национальный продукт, то почему удивляемся, что большинство населения живет плохо?

Пора осознать, что общество, которое мы потеряли, не возникнет вновь в обозримом будущем. Мы живем уже не в коллективистском, а в индивидуалистском обществе, где все высокоразвитые структуры обслуживают богатых. В таких условиях наш коллективистский менталитет, привычка к многотерпению могут вести только к вымиранию.

Наша первоочередная задача – сформировать полноценный рынок труда в науке и в образовании. Вот тут уместно оглянуться на США, где профессора все-таки не возьмут дворником и не предложат ему зарплату меньше 60 тысяч долларов в год. Пора и в нашей стране установить предельную, более или менее приличную зарплату для профессора, доктора наук. И профессорам бы проявить твердость, вспомнить о чувстве собственного достоинства... Сам я сказал ректору НГУ, что предпочел бы преподавать в университете бесплатно (в конце концов у меня есть другие заработки), чем за унижительную, нищенскую

зарплату.

Однако академическое начальство пытается «нормализовать» положение недостойными методами «самосохранения и выживания», увеличивая разрыв в оплате труда между руководителями и подчиненными. Раньше разница между зарплатой заведующего кафедрой вуза и профессора не превышала 10%. Такая же небольшая разница сохранялась на всех ступенях – между директором института и заместителем, между завлабом и старшим научным сотрудником и т. д. А сейчас на каждой начальской ступеньке зарплата удваивается, а то и утраивается. Все ресурсы скособочены, перекошены в пользу начальства. Чем же наши руководители лучше Чубайса и всех управленцев РАО ЕЭС, получающих по 15 тысяч долларов в месяц, тогда как рядовому работнику в «Новосибирскэнерго» достается сотня-другая долларов? На таких путях нет положительных решений, нет выхода. Все это может привести лишь к новому социальному перевороту. Ведь люди еще не забыли, какой должна быть нормальная зарплата. И социалистический опыт еще помнят.

Новосибирск, 2003 г.